



КАК ПОССОРИЛИСЬ...

В.И. Ленин и И.В. Сталин за беседой. Худ. П.В. Васильев. 1940-е

1922 ГОД СТАЛ СУДЬБОНОСНЫМ И ДЛЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА, И ДЛЯ ИОСИФА СТАЛИНА. 3 АПРЕЛЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ ВОЖДЯ СТАЛИНА ИЗБРАЛИ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК ПАРТИИ, НО УЖЕ В ДЕКАБРЕ, ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО СОЗДАНИЯ СССР, ЛЕНИН ПОЖАЛЕЛ О СВОЕМ РЕШЕНИИ

История взаимоотношений первых руководителей Советского государства по-своему сложна и драматична. Но самым драматичным в ней был, конечно, 1922 год, когда тяжело болевший Владимир Ленин постепенно отходил от руководства большевистской партией и государством, а спешивший ему на смену Иосиф Сталин делал решительный рывок к вершинам власти.

«НУЖНО ВНОВЬ СОБРАТЬ ПАРТИЮ»

На пятый год после революции состояние правящей партии вызывало опасения у ее вождей. По завершении Гражданской войны они оказались во главе численно разросшейся и весьма разношерстной организации, подверженной разным социальным недугам. Посколь-

ку переход к НЭПу в марте 1921 года был воспринят многими большевиками как вынужденная уступка и временное отступление, злободневным стал постулат о необходимости строжайшей дисциплины в «отступающей армии». В связи с этим требование Ленина блюсти единство партии получило дополнительные аргументы в свою пользу. В резолюции X съезда РКП(б) «По вопросам партийного строительства» выделялась главная организационно-кадровая задача: «Нужно вновь *собрать* партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. <...> Без решения этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда». Итогом стал полный запрет на создание оппозиционных групп внутри

партии: без этого, по убеждению Ленина, партия не смогла бы выжить во враждебной политической среде.

Внутрипартийным единством вождь мирового пролетариата обеспокоился и по другой причине. После переворота большевистская партия стала стержнем структуры государственной власти и вопрос о расстановке кадров получил огромное значение. Однако уделять ему много времени сам Ленин не мог. Поначалу организационно-кадровыми вопросами занимался Яков Свердлов. Но в марте 1919-го Свердлов умер, и на VIII съезде РКП(б) Ленин сказал: «Я не в состоянии даже на сотую долю заметить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения».

Для ведения текущей политической и организационно-кадровой работы ЦК сформировал Политическое бюро, Организационное бюро и Секретариат. Политбюро первоначально состояло из пяти членов ЦК: Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Льва Троцкого, Льва Каменева и Николая Крестинского. Предполагалось, что они будут собираться раз в неделю для «принятия решения по вопросам, не терпящим отлагательства». Но, как позже признал Троцкий, «таковы были, по сути, все вопросы», и поэтому многие из них ввиду большой загруженности Политбюро стали передавать Оргбюро и Секретариату.

Выбор главы Секретариата ЦК оказался для Ленина непростой задачей. Доверяя пост сильному политику, он рисковал получить конкурента, а от назначения слабого руководителя пострадала бы вся организационно-кадровая работа. Вождю хотелось видеть на этой позиции, как сейчас бы сказали, лично преданного ему и в то же время крупного и талантливого политика-организатора. Найти такого сразу не удалось. Елена Стасова, возглавившая Секретариат ЦК после VIII съезда, оказалась недостаточно сильным руководителем, а сменивший ее Крестинский в ходе «дискуссии о профсоюзах» поддержал Троцкого.

После X съезда Ленин поставил во главе Секретариата 31-летнего Вячеслава Молотова и стал следить за его работой, однако не прошло и месяца, как начал делать ему замечания, а в феврале 1922 года и вовсе разразился гневным письмом:

«Либо статистикой у Вас заведует дурак, либо где-то в этих "отделах" (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты, а присмотреть Вам, очевидно, некогда.

1. Надо прогнать заведующего статистическим отделом.

2. Надо перетряхнуть этот и учетно-распределительный отделы *основательно*.

Иначе мы сами ("борясь с бюрократизмом"...) плодим под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший.

Власть у ЦеКа громадная. Возможности – гигантские. Распределяем 200–400 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных.

И это гигантское коммунистическое дело вдрызг изгажено тупым бюрократизмом!»

Вскоре задачу «собрать партию» и «перетряхнуть» партаппарат Ленин возложит лично на товарища Сталина.



Владимир Ленин и Надежда Крупская в Горках. 1922 год

«ТОВ. СТАЛИН, СДЕЛАВШИСЬ ГЕНСЕКОМ...»

Именно тогда должность руководителя Секретариата ЦК партии стала обозначаться словосочетанием «генеральный секретарь». Никто и предположить не мог, что сугубо аппаратная должность со временем приобретет колоссальный политический вес.

Вопрос, почему именно Сталину достался пост генсека, уже без малого 100 лет занимает умы многих исследователей. Автор вышедшей в серии «ЖЗЛ» биографии Ленина Роберт Пейн недоу-

бе генсеком. Это назначение обуславливалось как личными способностями Сталина, которые действительно были из ряда вон выходящими, так и ситуацией, сложившейся в партии к весне 1922 года.

Ленин в буквальном смысле слова сделал Сталина генсеком «своею собственной рукой». О том, как это было, в конце жизни в разговоре с писателем Феликсом Чуевым рассказал Вячеслав Молотов: «На XI съезде появился так называемый "список десятки" – фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. И против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: "Генеральный секретарь"».

Это свидетельство имеет документальное подтверждение. В предложенном делегатам съезда проекте нового состава ЦК в скобках после фамилии Сталина действительно значилось «генеральный секретарь», а после имен Вячеслава Молотова и Валериана Куйбышева следовало слово «секретарь». Голосуя за этих товарищей, делегаты знали, чем они будут заняты после съезда. Сохранилась карточка, в которой один из голосовавших за Сталина как члена ЦК сделал примечательную запись: «Только не секретарем».

Всего же предложенный список членов будущего ЦК включал 27 фамилий. И каждый делегат мог вычеркнуть неудобные кандидатуры и вписать другие. Однако воля вождей партии была выражена доходчиво. В итоге были избраны те самые 27 человек, имена которых фигурировали в проекте. Больше всех голосов получили Ленин и Троцкий – по 477. Сталин

ВЫБОР ГЛАВЫ СЕКРЕТАРИАТА ЦК ОКАЗАЛСЯ ДЛЯ ЛЕНИНА НЕПРОСТОЙ ЗАДАЧЕЙ. Доверяя пост сильному политику, он рисковал получить конкурента, а от назначения слабого руководителя пострадала бы вся организационно-кадровая работа

мевал, «как такое могло случиться». «До этого очень долго Сталин занимал сравнительно скромный пост наркома по делам национальностей, – отмечал исследователь, – а его дальнейшее выдвижение в Рабоче-крестьянскую инспекцию вряд ли могло считаться ступенью, открывающей для него новые высоты. Ленину он нравился потому, что умел работать. Сталин был трудоспособным, честолюбивым. Он являл собой редкое сочетание грузина с немецким организаторским талантом».

Английский автор (хотя тут следует напомнить, что Сталин с момента создания Политбюро неизменно являлся его членом) прав в том, что именно Ленин сделал своего соратника по революционной борьбе

финишировал десятым, набрав 463 голоса, но это не помешало ему стать генеральным секретарем ЦК РКП(б). Состоявшийся 3 апреля 1922 года Пленум ЦК лишь оформил решение, принятое подавляющим большинством делегатов съезда.

Пост генерального секретаря дал возможность Сталину влиять на подбор делегатов на съезды и конференции, взяв под свой контроль распределение кадров партийного и государственного аппарата. Руководителей, неспособных обеспечить регулярную отчетность по установленным Сталиным правилам, заменяли другими.

Заведующим Бюро Секретариата ЦК генсек назначил Амаяка Назаретяна. В августе в конфиденциальном письме

тот поделился с первым секретарем Закавказского крайкома РКП(б) Серго Орджоникидзе сокровенными мыслями о первых месяцах работы «под Сталиным»: «Коба меня здорово дрессирует. Прохожу большую, но скучнейшую школу. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решений Полит. Бюро, Орг. Бюро и Секретариата. Отношения как будто не дурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. <...>

Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цека РКП. Сейчас работа Цека значительно видоизменилась. То, что мы застали здесь, – неописуемо скверно. А какие у нас на местах были взгляды об аппарате Цека? Сейчас все перетряхнули».

Школу Сталина, считавшего, что людей «нужно распознавать на практике, в повседневной работе, в “мелких” делах», пришлось проходить не одному Назаретяну. Троцкий, уже в пору изгнания из СССР, когда проиграл борьбу за власть, писал: «Сталин в этот период выступает все больше как организатор и воспитатель бюрократии, главное: как распределитель земных благ. Он подбирает людей по признаку их враждебности по отношению к противникам. Он учит своих ставленников на местах, как организовать власть, как подбирать сотрудников, как пользоваться их слабостями, как противопоставлять их друг другу».

Троцкий, правда, проигнорировал другое: помимо личной преданности Сталин придавал огромное значение тому, чтобы назначаемый на ответственную работу был «всесторонне изучен с точки зрения деловой квалификации, политической выдержанности и моральной устойчивости». Каждого работника, говорил генсек, надо «изучать по косточкам». Проблема состояла в том, что профессиональная подготовка многих назначенцев была невысокой – университетов-то они не кончали. Но других коммунистов (как впоследствии и «других писателей») в распоряжении генсека на тот момент не было.

Работу генерального секретаря, которая многим казалась технической, Сталин быстро наполнил политическим содержанием. В декабре 1922 года Ленин констатировал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...»

«ПЕРВЫЙ ЗВОНОК»

Много пищи для размышлений дают факты, свидетельствующие о том, как Ленин и Сталин относились друг к другу в случае болезни. Так, в мае 1921 года у Сталина обнаружили гнойный аппендицит, ему была сделана операция. Хирург Владимир Розанов вспоминал: «Владимир Ильич ежедневно два раза, утром и вечером, звонил ко мне по телефону и не только спрашивал о его здоровье, а требовал самого тщательного и обстоятельного доклада».

Когда опасность миновала и Розанов сказал об этом Ленину, тот от души порадовался: «Вот спасибо, но я все-таки каждый день буду звонить к вам».

Лечение Сталин продолжил в Нальчике, откуда в июне съездил в Тифлис на пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б). Узнав об этом,

Ленин выразил Серго Орджоникидзе свое неудовольствие: «Удивлен, что Вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель». 17 июля Ленин телеграфировал Орджоникидзе: «Прошу сообщить, как здоровье Сталина, и заключение врачей об этом». Так продолжалось до 8 августа, пока Сталин не выехал в Москву.

Весной следующего года вожди «поменялись местами». Историки Виктор Куманёв и Ирина Куликова пишут: «После операции в апреле 1922 года по удалению пули – результат покушения правой эсерки Ф. Каплан – через месяц у Ленина случи-

лись два кратковременных обморока, что привело к временной потере речи и нарушению двигательных функций. Надвигающаяся опасная болезнь, перспектива полного паралича крайне встревожила его. В беседе с близкими он заметил, что это – “первый звонок”».

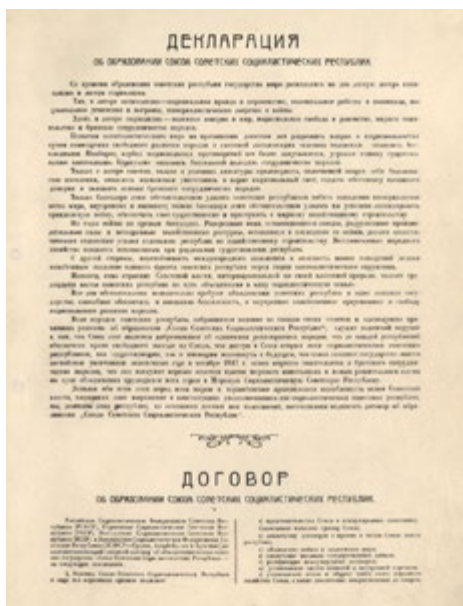
30 мая 1922 года Ленин, по свидетельству его сестры Марии Ульяновой, сказал Сталину, что, «вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст цианистого калия». Генсек в просьбе не отказал, а когда вышел от Ленина, рассказал обо всем ей и Николаю Бухарину. «Но потом, обсудив совместно, – пишет сестра вождя, – мы решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно и время исполнить его просьбу не пришло. В.И. заметно повеселел и согласился...»

Все лето Ленин лечился. Врачи запретили ему читать газеты и говорить о политике. 24 сентября, когда больному стало лучше, «Правда» опубликовала статью Сталина «Тов. Ленин на отдыхе». Генсек, посещавший вождя чаще других членов Политбюро (11 и 30 июля, 5, 9, 15, 19, 23 и 30 августа, 12, 19 и 26 сентября), подчеркнул, что если в июле на лице Ленина он видел следы «усталости», то месяц спустя застал «совершенно другую картину»: «На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, – прошел голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью».

**«Историк»
рекомендует
ЧТО ПОЧИТАТЬ?**

КУМАНЁВ В.А., КУЛИКОВА И.С.
Противостояние: Крупская – Сталин.
М., 1994

НАЗАРОВ О.Г.
Сталин и борьба за лидерство
в большевистской партии
в условиях НЭПа.
М., 2000



Декларация и Договор об образовании СССР были утверждены I Всесоюзным съездом Советов 30 декабря 1922 года

«СТАЛИН СЛИШКОМ ГРУБ»

Адресуясь к широкой аудитории, Сталин выдавал желаемое за действительное: на самом деле состояние здоровья Ленина оставалось плохим. И Сталину, и Льву Каменеву, и Григорию Зиновьеву это было хорошо известно. Более того, по многим важным вопросам внутренней и внешней политики решения принимались ими уже после того, как Ленин покидал заседания – врачи разрешили ему присутствовать на них строго ограниченное время. Этот маневр соратников Ленин заметил.

Осенью 1922 года Сталин и Ленин разошлись во мнениях о принципах создания единого Советского государства. Генсек поставил этот вопрос перед Лениным в сентябре: «Мы пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т. е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся нестерпимыми, создают конфликты, обиды и раздражение... тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе».

Согласно сталинскому проекту, все республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономий. Историки назовут потом этот план «планом автономизации». Однако Ленин настоял на том, чтобы четыре республики – Украинская, Белорусская, Закавказская и РСФСР – «вместе и наравне» на федеративных основах вошли во вновь создаваемое государственное образование – Союз Советских Социалистических Республик. Таким образом, их взгляды на будущее устройство СССР оказались различны. Нельзя сказать, что позиция Сталина была антиленинской, какой ее иногда изображают. По верному замечанию Молотова, Сталин «держался старой ленинской линии, чересчур упорно шел по ней, а Ленин шагнул дальше». Но тем не менее сталинское видение структуры Союза ССР существенно отличалось от ленинского.

Между тем здоровье вождя ухудшалось. 25 ноября 1922 года Ленин упал в обморок в коридоре своей квартиры. 27 ноября у него на несколько минут отнялись нога и рука. По настоянию врачей Ленина отправили на отдых в Горки, но 12 декабря он вернулся в Москву. На следующий день у него дважды случился паралич, продолжавшийся по несколько минут.

Положение усугублялось тем, что врачи Ленина раздражали и рассчитывать на то, что он будет неукоснительно выполнять все их предписания, не приходилось. В критической ситуации 18 декабря Пленум ЦК возложил на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений



Владимир Ленин (в центре) в Горках. Одна из его последних прижизненных фотографий, лето 1923 года

с работниками, так и переписки». Историк Юрий Емельянов имел основания написать: «Зная стиль работы Сталина, невозможно предположить, что, получив такое поручение ЦК, он бы не стал проверять, как соблюдается режим лечения. Не исключено, что в ходе таких проверок Сталин продемонстрировал жесткую требовательность, а это могло лишь раздражать и без того взволнованных родных Ленина. Вероятно, что уже с 18 декабря Сталин стал восприниматься Крупской и другими как администратор, который им приказывает, как надо обращаться с близким им человеком».

Поскольку нервы у всех были напряжены до предела, конфликт не заставил себя ждать. 21 декабря Ленин с разрешения врача продиктовал жене, Надежде Крупской, короткое письмо Троцкому по вопросу об укреплении монополии внешней торговли. Это произошло через три дня после Пленума ЦК и в обход Сталина. Масла в огонь добавило то, что письмо было адресовано главному конкуренту Сталина в борьбе за «ленинское наследство».

О том, какой оказалась реакция генсека, Крупская написала Каменеву 23 декабря:

«Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию [Зиновьеву. – О. Н.], как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз».

Среди историков нет единого мнения о том, когда Крупская сообщила Ленину о конфликте со Сталиным – сразу или какое-то время спустя. Зато известно, что знаменитое «Письмо к съезду» Ленин начал диктовать в тот же день, когда она обратилась к Каменеву. Указав, что «Сталин слишком груб», основатель партии предложил снять его с поста генсека. О прежней личной и политической близости между вождями говорить уже не приходилось...

Олег НАЗАРОВ, доктор исторических наук